

чем во всей специализированной» литературе восьмидесятых.

Одним из самых видных представителей прозы после 1990-го года является Раду Алдулеску. Точнее говоря, этот автор произведен нашей нескончаемой и темной транзицией, от которой литература не смогла изолироваться. Начиная «Сонатой для аккордеона», дебютной прозой 1993-го года, и романами «Любовник женщины, делающей кутью» (1996), «История героев зеленой и прохладной земли» (1998) или «Пророки Иерусалима» (2004), Раду Алдулеску сформировал особый стиль, чуткий к красочной речи улицы и верный «мизерному» миру, находящемуся где-то в подполье постдекабрьской Румынии. Герои его прозы – жулики, безработные, уличные певцы и им подобные, постоянно играя в «рулетку жизни», одерживают победы. Единственная их цель – обеспечить себе ежедневные скромный уют и еду, осознавая, что жизнь непременно швырнет их в эпицентр самой жестокой реальности. В воссоздании такой незначительной в желаниях и горизонтах мысли и переживаний жизни своих персонажей романист не рисует их характеры схематично, напротив, он наделяет их глубокой гуманностью, обеспечивая таким образом сверхсмысл таких простых и непретенциозных нарративов.

Подобный приём прочтения реальности избирает в романах «Целую в жопу, любимый вождь» (1994), «Семь королей города Бухарест» (1997) и «Лучший роман всех времен» (2008) Даниел Бэнулеску, отличающийся бурным воображением и более проработанной эпикой повествования. В кошмарной эпопее последних лет коммунизма, которую предлагает нам автор этих произведений, выступают утопические интеллигенты, принимающие участие в невероятных секретных договорах и героическом сопротивлении против коммунизма.

Романы Бэнулеску включают ужасающие страницы темного гротеска, полицейские интриги, удивительные картины атмосферы эпохи и фантастические отступления. Даниел Бэнулеску сохраняет чувство пропорции при частом изменении ритма нарратива и стилистической формулы. Несомненно, его, как и Раду Алдулеску, следует отнести к лучшим романистам последних двух десятилетий.

Александр Ековою открыл, в свою очередь, совершенный рецепт текстурализации любимых тем о силе, её способности и тактике достичь привилегированных позиций при сохранении себя самой. Чаще всего он создаёт прозрачные иносказания деспотической фактуры, в которых персонажи не индивидуализированы, а лишь очерчены по доминантам жанровости. Автора интересует сам механизм существования тоталитаризма, при котором один решает за всех. Что может точнее замкнутого автономного пространства, в котором социальный эксперимент подобен анализу под увеличительным стеклом, соответствовать этой экзистенциальной схеме? Такое пространство создают романы «Салудос», «Сигма», «Порядок» или «Курорт» Александр Ековою, воскрешающие романтический жанр других эпох, в том числе, традиции Дж.Свифта.

ОСНОВНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ РЕЧИ И ЯЗЫКА В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

Аблай Н.Е., Турниязова Ж.К.

Центрально-Азиатский университет, Алматы,
e-mail: dulfuza.talenova@mail.ru

Сегодняшнее время изучения психологических проблем в психолингвистике очень актуальны. Спрос

на изучения языков, развития речи, мастерство ораторских искусств каждым днем растут. На основе этих направлений лежат тонкость психологии речи и языка.

Психологические данные со своей стороны оказываются полезными лингвистической теории в плане придания ей естественнонаучной и социальной ориентированности. Явления языка и речи рассматриваются в психологии в контексте природных и социальных закономерностей жизни человека, учитываются мозговые механизмы речевых проявлений. Тем самым результаты, которые получит в своем исследовании психолог, могут существенно расширить кругозор лингвистически ориентированного ученого, в чьи интересы входит познание сущности вербальной способности.

В целом соединение, взаимодополнение психологических и лингвистических данных можно рассматривать как форму системного подхода к исследованию речи и языка. В нем реализуется преодоление ограничительных рамок и ведомственных преград, что делает знание об объекте более разносторонним и глубоким, более адекватным действительности.

А также, есть представления об изучении языка животных. Правда, многие животные издают звуки, иногда очень дифференцированные. У наиболее развитой породы обезьян – шимпанзе – насчитывают до 52 оттенков крика. Эти крики по-разному воспринимаются другими животными и могут вызывать у них различные реакции: при одних криках животные настораживаются, при других – бросаются в бегство и т. д. Однако крики животных все же не слова, потому что они не обозначают каких-либо предметов и явлений.

В отличие от речи язык есть средство общения людей друг с другом. В своей речи в процессе взаимного общения люди выражают с помощью языка мысли и чувства, добиваются взаимного понимания в целях осуществления совместной деятельности.

Язык и речь, как и мышление, возникают и развиваются в процессе и под влиянием труда. Они являются достоянием только человека.

Ну конечно, языки всех нации своеобразные. Изучать их, а значить знать тонкость психологии познавательных процессов, психологии понимания.

СОВРЕМЕННЫЙ НЕМЕЦКИЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН

Айтгуар А.З., Ержигит А.Н., Балтабаева Г.С.

Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы, e-mail: dulfuza.talenova@mail.ru

Наряду с этими экскурсами в историческое прошлое многие писатели в 90-е годы глубоко проникли в автобиографическое. По окончании немецко-немецкого разделения наблюдался бум мемуарной литературы (в большей или меньшей степени вымышленных биографий), авторы которых заостряли внимание на детстве. Книга детских воспоминаний «Фонтан» (1998) Мартина Вальзера завоевала огромную популярность актуальной постановкой трудного соотношения личной и политической истории, действительности и её толкования: «Пока что-то есть, то это не то, что могло Г г: быть. Когда что-то прошло, ты уже более не тот, с кем это случилось. Разумеется, к этому бываешь ближе, чем к другому. Хоть этого в прошлом, когда это было настоящим временем, не было, – оно теперь навязывается, будто это было, как это сейчас продолжается... Теперь мы говорим, что это было так-то и вот так-то, хотя мы в то время, когда это было, ничего не знали о том, что мы сейчас говорим» [1, с.9].